

Новая поэзия

Андрей Карташов

Давайте поговорим об этом

*

давайте поговорим об этом
через пару лет
давайте сначала
определимся с терминами
все мы всё понимаем
ты/мы скифы с раскосыми мыслями
подземные дети перемолотых в фарш
энтузиастов

сорок сороков
в деревне дураков
ежегодное битье
лбами на торжественной линейке
после занятий полдник, свободное
время, уроки
маленького кощунства
и комсомолки машут цинковыми
платками

давайте без негатива
давайте не лезть в калашный ряд
пускай там у себя
за шторами, ночью и тихо
давайте чтобы соседи не видели
зарева на горизонте
давайте споем
нашу песню про не наше дело
на матрасе с расцарапанными
краями

на первый-второй
за царя под горой
перекур за гаражами, игра
в бутылочку, плач по волосам
очередь за черноземом
за супом, компотом и сладким
дымом, разъевшим глаза
калиновый мост наведен через черную
родину

давайте еще раз подумаем
кому это выгодно
давайте еще раз для тех
кто в танке
трудные дети, трупное время
станцует под горькими
грибами, падучими звездами
под литавры и медные трубы
и святые проснутся и посмотрят на нас
безразлично

*

1

на празднике мясного спаса
были рукопашные
бои, стихийные бунты
пели хором старые песни
про новое величие
ночью было посмертное
шествие с порохом
на губах, торжественная гекатомба
этот день повторяли
как могли

соломенные псы
андердоги на сене
с пятикнижием Достоевского под
подушкой, с терпкими
мыслями про сладкую жизнь
все могло быть
иначе, если бы мы
стали младше

а так слово за слово
язык к языку
начинаем обратный
отсчет до почетной
ничьей

2

это музы, это пушки
это бунин, это пушкин
выходите все, спасайтесь
кто больше не может

хватит уже
сидеть сложа голову
хватит уже
прокладывать маршруты
хватит уже
праздновать даты
хватит уже
смотреть в ледяные звезды
и прохладные звезды
и тепловатые звезды
и нравственный закон

3

фронтальная лирика
тыловая лирика
гражданская лирика
авангардная лирика
лирика русской эмиграции
то есть российской
конвенциональная
лирика
революционная
лирика
лирика малых дел
на обломках уже
ничего не напишут
снимем белые венчики
приналяжем на дно

это было случайно, пока
не стало нарочно
было мертвым, пока
не стало мертвее

4

мы не сеем и не пашем
mother russia пицца наша
где мы были тридцать лет
хорошо, что нету старших
хорошо, что бога нет

Александра Цибуля

Электрические цветы

*

Тонкий запах магнолии, распустившейся на теплом люке во дворе. Соседи из окрестных домов приходят посмотреть на местную достопримечательность. Непохожестью на привычный контекст она напоминает привидение, излучающее едва различимый свет. Люди уходят из больших институций в волонтерские практики, выезжают из города в лес и выкрикивают имена пропавших стариков и детей. На прошлой неделе один старик нашелся. Я приехала на север города в надежде увидеть залив, но всю береговую линию обнесли забором, как будто хотели арестовать огромное море юности. Если пройти чуть дальше, возле маяка забор все-таки прерывается, и там проступает отрезок свободно бьющейся жизни, куда стекаются гуляющие. Когда опускается солнце, люди поднимаются на холм в Парке трехсотлетия, чтобы увидеть нежное лицо мира во время войны.

*

К сожалению, теперь уже нет сомнений, что из окна на фоне Зимнего я вижу сложенную из цветов российского флага букву зэт. Перед ней многочисленные перекрывающие площадь металлические ограждения, пухто, уличный синий туалет. На мосту юноша в свитшоте с надписью «С нами бог», я не успеваю или, скорее, не решаюсь крикнуть ему «С нами бог знает что» и уже через несколько минут вижу «Большой железный кулак Германии» Кифера в Мраморном, где подкошенные стволы священного леса как покореженные тела, и взрывающийся изнутри национальный миф. В штабе еще один Кифер с маленьким корабликом, разбитым стихией истории, эта Аврора не давала залпа к триумфальному штурму, сконструированному Эйзенштейном в двадцать седьмом, а стала детской игрушкой в руках политиков, прилепленной теперь к холсту. Липкая и какая-то ржавая, текущая с неба смола затопит и лодку, и пейзаж, смутно напоминающий левитановскую «Владимирку», оставляя на поверхности нежные «лепестки огня», посылаемые одноименной богиней зари, каждый раз после гибели мира «встающей из мрака с перстами пурпурными».

*

Новогодние гирлянды больше не светят,
но никто и не думает снимать их с фасадов,
кое-где они слабо поблескивают круглый год,
как электрические цветы. Раздухарились
дрозды-рябинники, соседи расчехляют
мангалы и развешивают белье во дворах.
Грустный гудок над многолетним
котлованом в районе Старой деревни, чайки,
строительный кран, автозак
едет в сторону кладбища, чтобы сажать
мертвые души, получается. Выцветшие
лепестки сакуры опадают, как крупный
пепел, вечерний свет
очень выразительный, но ледяной.
Дети снова украли нос у советского
садового гнома восьмидесятых годов
из цемента и металлической арматуры,
которого я не устаю починять,
чтобы хоть что-то из распавшихся
вещей мира сохраняло
иллюзию целостности.

*

по сквозным дворам разносится
запах нехитрой трапезы или сладкий
чубушника аромат, которому время
пришло опадать, развешаны
еще твердые и зеленые вишни,
завязывается северный виноград, ты —
одинокий белый вьюнок в невысоком
кустарнике, строгий, с тонкой кожей лица,
среди увянувших роз, напоминающих
пожилых эрмитажных сотрудниц
в тяжелых украшениях из полу
драгоценных камней, рядом делают
свою работу шмели, чернеют
выжженные сирени, тепло
теряет земля, упорствуют
ливни, и постепенно
мы остаемся без благодати

*

сейчас мне сложно объяснить своим двадца
тилетним друзьям для которых это большой
зазор куда ушли эти десять лет на трудную
любовь ревность предательства друга а потом

и мои предательства тревогу и страх панические
атаки только иногда эйфорическое чувство
которое тебя поднимает козни коллег обиды
протоколы согласования обновлений по сайту
постоянное желание и невозможность рассла
биться алкоголь соцсети болезнь близкого
человека и долгий пробел но в сущности
это и была жизнь внутренний упадок и рост
ранняя юность зрелость затвердение и новый
восход после которого мы снова сидим
на траве в парке с книгами и делаем что-то
бесплатно и искренне вопреки всему

*

Если я уеду в Армению или в Лондон и начну вспоминать,
чем была для меня Россия, я вспомню:
— перевалившийся за край сквера, мокрый и покрасневший
девичий виноград на остановке сорок восьмого;
— направления с желтым кружком;
— живых черепашек в хосписе;
— радио «Мария» с молитвой за упокой;
— бездомного саксофониста и то, как он надувает щеки, наполняя
подземный переход легкой бессловесной энергией;
— треугольный разрез на черной футболке и мое желание
к этому худому длинному телу, никогда по-настоящему
не принадлежавшему никому;
— металлические цветы из колючей проволоки со слепящим
зеркальцем в середине, торчащие из воды где-то
в окрестностях Пряжки: спасибо за этот подарок, напоминающий
инсталляцию Франсиско Инфанте;
— инопланетные головы белок с черными
выпуклыми глазами и их беспомощность
перед силой, готовой снять кожу с земли, обезглавить
посаженные нами растения.